

18+

НАНКИНСКАЯ РЕЗНЯ

Айрис Чан

Предисловие Егора Яковлева

Айрис Чан

Нанкинская резня

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69589564

А. Чан. Нанкинская резня: ООО «Питер Класс»; Санкт-Петербург;

2023

ISBN 978-5-00116-806-5

Аннотация

Один из трагических и человеконенавистнических эпизодов Второй японо-китайской войны (1937-1945 гг). История Нанкинской резни известна нам лишь от малочисленных свидетелей-иностранцев и от нескольких выживших китайских очевидцев. Если какое-то событие можно рассматривать как пример абсолютного тотального зла, таящегося под самой поверхностью разнузданного военного авантюризма, таковым является геноцид в Нанкине.

Глубокое исследование Айрис Чан посвящено одному из самых кровавых событий в летописи XX века.

Книга заинтересует профессиональных историков и аудиторию, серьезно изучающую вопрос массового насилия во время военных конфликтов.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие к российскому изданию	5
Предисловие	13
Введение	17
Часть первая	40
1. Путь к Нанкину	40
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Айрис Чан

Нанкинская резня

Iris Chang

The Rape of Nanking. The Forgotten Holocaust of World War

II

© 1997 by Iris Chang

© 2011 by Brett Douglas

© Перевод на русский язык ООО «Питер Класс», 2023

© Издание на русском языке, оформление ООО «Питер
Класс», 2023

* * *

Сотням тысяч жертв Нанкинской резни

Предисловие к русскому изданию

Скорее всего, большинство из вас даже не слышало об этом событии. Нанкинская резня, история о том, как японцы в декабре 1937 года истребили сотни тысяч невинных мирных жителей в столице их врага. Сегодня разные независимые друг от друга источники говорят как минимум о 300 тысячах убитых с чрезмерной жестокостью жителей Нанкина. Для сравнения, число погибших среди гражданского населения в Хиросиме и Нагасаки составило 210 тысяч человек.

Резня в китайском городе и окрестностях длилась семь недель. Отдельные японские военные соревновались друг с другом количеством убитых и изобретенными новыми видами издевательств.

Под этой обложкой Айрис Чан собрала свидетельства не для слаонервной и впечатлительной публики.

Лишь немногие из местных жителей Нанкина сумели уцелеть, спрятавшись в квартале, где находилось к тому моменту уже брошенное персоналом американское посольство, своеобразной «зоне безопасности», куда японцы не смогли зайти из-за противодействия всего двух десятков (!) граждан из США, Германии, Дании и России.

Что является более циничным – пройти мимо очередно-

го бесчеловечного военного эпизода или попытаться, пусть испытывая естественное отвращение, заразить совершенно неподготовленного читателя чем-то нестерпимо невыносимым, тем, что останется в его памяти на всю жизнь? Навечно.

Об ужасах Второй мировой знают практически в каждой российской семье. На фронтах, в плену и в тылу погибли, были замучены и умерли от голода миллионы человек. Любая военная трагедия близка сердцу любого из нас, поэтому мы надеемся, что книга будет принята российской аудиторией.

Отдельного внимания заслуживает биография автора «Нанкинской резни». Айрис Чан (Iris Chang) родилась в США в семье тайванских эмигрантов. Ее дед и все его семейство чудом не погибли, сбежав из города буквально за несколько дней до трагических событий. Еще с детства Айрис слушала рассказы о страданиях ее семьи и китайского народа во время войны.

При жизни Айрис успела издать три книги, одна из которых, «Нанкинская резня. Забытый холокост Второй мировой войны», принесла ей славу и признание в исторических и писательских кругах. Выход книги в 1997 году был приурочен к печальной дате – 60-летию нанкинских событий. И, что самое удивительное, труд Айрис стал первой англоязычной монографией, посвященной теме шестидесятилетней давности.

«Нанкинская резня, учиненная японской армией в городе с населением в 1 миллион человек, стала, пожалуй, самым

мрачным и изобилующим ужасами эпизодом варварства за столетие. И все же это было в значительной степени забыто, пока Айрис Чан не сделала это своей темой», – отреагировал в рецензии на 15-е (!) переиздание за первый год продаж (!) книги «Нанкинская резня» обозреватель «The Washington Post» Джордж Уилл. – «Ее книга <...> стала бестселлером, стимулировала проведение семинаров и конференций в Гарварде, Йеле, Принстоне и многих других местах и помогает тем уважаемым японцам, которые борются с официально навязанной их стране амнезией относительно того, что делала Императорская армия в декабре 1937 и январе 1938 годов»¹.

Популярность исторического произведения Айрис оказалась настолько высока, что добралась даже до стен Конгресса США, который после ряда слушаний принял резолюцию, призвавшую правительство Японии покаяться за военные преступления прошлых лет.

Нужно ли говорить, что в Японии многие в штыки встретили книгу Айрис. Труд американской писательницы с китайскими корнями долгое время был под запретом на островах, но и после кратковременного разрешения к публикации, произведение вновь оказалось изъятым из продажи под давлением экстремистов правого крыла.

Известный японский писатель Харуки Мураками, автор «Андеграунда»², обладающий определенной смелостью в

¹ George F. Will. Breaking a Sinister Silence // The Washington Post. Feb. 19, 1998.

² «Андеграунд» – книга о террористической газовой атаке в токийском метро

собственных высказываниях, отреагировал на запрет книги «Нанкинская резня» так: «Сегодняшние японцы не хотят видеть то, чего они видеть не хотят. Они предпочитают выбирать из всего только светлые стороны. Возможно, они устали быть обвиняемыми. Я не знаю. Но для меня самое важное, что такое может случиться снова. Я очень боюсь этого. Если б я был уверен, что ничего такого больше не случится, никогда, – меня бы не волновало, что японцы забыли свое прошлое. Но я не уверен. Я принадлежу к поколению идеалистов 60-х. Мы действительно верили, что мир станет лучше, если очень постараться. Мы очень старались – но в каком-то смысле все равно проиграли. Однако я пытаюсь пронести чувство этого идеализма через всю жизнь. И до сих пор верю, что идеализм способен сделать много хорошего в будущем... Если честно, я даже не знаю, что сказать обо всех этих ревизионистских движениях. Я думаю, они (японские националисты) – просто безмозглые идиоты»³.

Работа над «Нанкинской резней» не прошла даром для здоровья писательницы. После выхода книги Айрис погрузилась в депрессию, приведшую в 2004 году к нервному срыву. На короткое время ее поместили в психиатрическую клинику с подозрением на маниакально-депрессивный психоз. Утром 9 ноября 2004 года Айрис была найдена мертвой,

1995 года.

³ Интервью с Харуки Мураками. Пер. и комм. И. Кригер // ЛитКульт, 04.09.2007. См.: <http://litcult.ru/news2/3189> (дата посещения: 21.07.2023).

скончавшейся «от огнестрельного ранения, нанесенного себе самой в своей машине на сельской дороге к югу от Лос-Гатоса, Калифорния»⁴. На момент смерти Айрис было всего 36 лет.

В 2007 году в память об Айрис режиссер Билл Гуттентаг снял по мотивам книги «Нанкинская резня» документальный фильм «Нанкин», который сразу же попал в шортлист номинантов на премию «Оскар» в категории «За лучший документальный фильм».

Геноцид не возникает на пустом месте. По мнению американского психолога Эрвина Стауба⁵, геноциду предшествуют «трудные времена» в самом широком смысле этого понятия. «Тяжелые времена» всегда сопутствуют военным действиям. Депрессия, обреченность, чувство окруженности врагами, а также реакция на несправедливость, месть – все провоцирует запуск бесконтрольных и массовых расправ.

Феномен жестокого массового насилия и геноцида похож на массовое помешательство людей, только с той поправкой, что глаза у последних залиты кровью и яростью. Самое интересное, что большинство из тех, кто участвует в актах геноцида, – психически здоровые люди.

Вся ненависть без остатка выливается на врагов, ведь «из-

⁴ Sullivan P. 'Rape of Nanking' Author Iris Chang Dies // The Washington Post. Nov 12, 2004. P. B06.

⁵ E. Staub. The roots of evil: The origins of genocide and other group violence. 1989. New York: Cambridge University Press.; E. Staub. Overcoming Evil: Genocide, Violent Conflict, and Terrorism. 2011. Oxford University Press.

за них все началось». Только уничтожив врага – не важно военного или мирного, – «жить станет гораздо легче». Безусловно, не станет. Но мотив-оправдание – есть один из механизмов неосознанной психологической защиты.

Не той же психологической природы оказалось долгое замалчивание нанкинского геноцида? Айрис Чан так и пишет в представляемой российскому читателю книге: «Голливуд не снял о резне ни одного фильма, хотя сюжет ее не менее драматичен, чем у “Списка Шиндлера”»⁶.

После выхода в Соединенных Штатах исторического труда Айрис многое изменилось. Сначала книга быстро разлетелась по американским городам с большим количеством китайского населения: Сан-Франциско, Лос-Анджелесу, Вашингтону, Хьюстону, Ванкуверу и Торонто. Продажи достигли критической массы, что запустило сарафанную рекламу среди читателей, рецензентов и книготорговцев.

Джордж Уилл замечает: «Задержка в отправлении правосудия не обязательно означает отказ в правосудии. Действительно, отсроченное правосудие может быть особенно ярким, если оно осуществляется на историческом расстоянии, оставляя правдивый след в памяти человечества»⁷. Айрис Чан на страницах «Нанкинской резни» напоминает нам слова Эли Визеля, выжившего в Освенциме, лауреата Нобелевской премии: «Забыть холокост – значит убить дважды».

⁶ См. с. 247.

⁷ George F. Will. Breaking a Sinister Silence // The Washington Post. Feb. 19, 1998.

Публикацией книги Айрис Чан на русском языке мы закрываем очередной исторический пробел. Всегда хочется надеяться на то, что подобные военные преступления не повторятся впредь.

*Егор Яковлев,
историк*

Места Нанкинской резни

Предисловие

13 декабря 1937 года Нанкин, столица националистического Китая, был захвачен японцами. Для Японии это стало решающим поворотным пунктом в войне, триумфальной кульминацией полугодового сражения с войсками Чан Кай-ши в долине реки Янцзы. Для китайской армии, чья героическая оборона Шанхая в конце концов пала и чьи лучшие войска понесли сокрушительные потери, падение Нанкина стало горьким, возможно, роковым поражением.

Мы теперь можем считать Нанкин поворотным пунктом иного рода. То, что произошло внутри стен этого древнего города, укрепило решимость китайцев восстановить его и изгнать захватчиков. Китайское правительство отступило, перегруппировалось и в конечном итоге продержалось дольше японцев в войне, закончившейся лишь в 1945 году. За эти восемь лет Япония оккупировала Нанкин, создав правительство из китайских коллаборационистов, но она никогда не смогла бы править на основе доверия или законности и никогда бы не заставила Китай сдаться. Для мира в более широком смысле Нанкинская резня – как тотчас же назвали эти события – изменило отношение общества к Японии так, как мало что другое могло его изменить.

Оно до сих пор остается таковым в Китае, где уже несколько поколений изучают преступления Японии, не в силах за-

быть и примириться с ними и поныне. Шестьдесят лет спустя призраки жертв Нанкина все еще омрачают китайско-японские отношения.

И это неудивительно. Разграбление и террор японцев в этом китайском городе стали чудовищным событием. Массовая казнь пленных солдат, а также убийства и изнасилования десятков тысяч гражданских совершались вопреки всем правилам войны. До сих пор потрясает тот факт, что все это происходило публично, явно имея своей целью терроризировать население, причем на виду у международных наблюдателей, и, как правило, вне зависимости от любых их попыток помешать. И это вовсе не было случайным нарушением воинской дисциплины, поскольку длилось семь недель. Такова кошмарная история, которую столь подробно излагает Айрис Чан в этом первом англоязычном исследовании трагедии Нанкина.

Возможно, мы никогда не узнаем точно, что подвигло японских командиров и солдат на столь зверское поведение. Но Чан просто более ясно, чем в любых предыдущих аналогичных повествованиях, показывает нам, чем именно они занимались. С этой целью она использует обширный набор источников, включая свидетельства сторонних наблюдателей – иностранных миссионеров и бизнесменов, остававшихся в незащищенном городе, когда туда вошли японцы. Одним из таких источников, обнаруженных Чан, является дневник – на самом деле небольшой архив – Иоганна Рабе, немецкого

бизнесмена и национал-социалиста, возглавившего усилия международных организаций по предоставлению убежища населению Нанкина. Глазами Рабе мы видим страх и отвагу беззащитных жителей Нанкина, вынужденных противостоять японскому террору. Читая повествование Чан, мы можем оценить смелость Рабе и других, пытавшихся помочь городу, где пылали пожары и массово гибли жители, где были закрыты больницы и переполнены морги, где царил хаос. Мы прочитаем также о тех японцах, которые понимали, что происходит, и стыдились этого.

Эта книга тем более важна, что Нанкинская резня в основном забыта на Западе. Называя его «забытым холокостом», Чан проводит связь между убийством миллионов невинных в Европе и Азии во время Второй мировой войны. Да, Япония и нацистская Германия лишь позже стали союзницами, причем не самыми лучшими. Но события в Нанкине против которых вряд ли возражал Гитлер позднее сделали их обеих моральными сообщницами, жестокими агрессорами, виновными в том, что в конечном счете было названо «преступлениями против человечества». Уистен Хью Оден, побывавший на китайской войне, провел эту связь раньше многих других:

Флажки на карте приведут в места,
Где Зло потешилось на славу —

Нанкин, Дахау.

*Уильям С. Кирби,
профессор современной истории Китая и глава историче-
ского факультета Гарвардского университета*

Введение

Хроника жестокости человечества к себе подобным имеет долгую и печальную историю. Но если проявления жестокости вообще можно сравнивать друг с другом, то мало что в мировой истории может сравниться по интенсивности и масштабам с Нанкинской резней во время Второй мировой войны.

Американцы считают началом Второй мировой войны 7 декабря 1941 года, когда японские самолеты атаковали со своих авианосцев Пёрл-Харбор. Европейцы датируют его 1 сентября 1939 года, когда произошло нападение на Польшу гитлеровских Люфтваффе и танковых дивизий. Жители Африки отсчитывают начало войны еще раньше, с вторжения Муссолини в Эфиопию в 1935 году. Однако азиатам следует относить начало войны еще раньше, к первым шагам Японии к военному господству в Восточной Азии – оккупации Маньчжурии в 1931 году.

Так же как и пять лет спустя гитлеровская Германия, Япония использовала свою высокоразвитую военную машину и менталитет расового превосходства, чтобы заявить о своем праве властвовать над соседями. Маньчжурия быстро пала под натиском японцев, которые основали свое правительство в Маньчжоу-го, якобы во главе с их марионеткой, низложенным императором Китая, но на самом деле полностью

подконтрольное японским военным. Четыре года спустя, в 1935 году, были оккупированы части провинций Чахар и Хэбэй. Затем, в 1937 году, пали Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и, наконец, Нанкин. Тридцатые годы были тяжкими для Китая, и фактически последний японец был изгнан с китайской земли лишь по окончании Второй мировой войны в 1945 году.

Четырнадцать лет господства японских военных были отмечены бесчисленными проявлениями неопишуемой жестокости. Нам никогда не суждено узнать о том, что происходило во многих городах и селениях, находившихся в то время под сапогом завоевателя. По иронии судьбы, история Нанкина известна нам лишь потому, что некоторые иностранцы стали свидетелями кошмара и сообщили об этом остальному миру, а также от выживших китайских очевидцев. Если какое-то событие можно рассматривать как пример абсолютного тотального зла, таящегося под самой поверхностью разнузданного военного авантюризма, таковым является Нанкинская резня. Данная книга – рассказ о нем.

Подробности Нанкинской резни никем не оспариваются, за исключением японцев. В ноябре 1937 года, после успешного вторжения в Шанхай, японцы обрушили массированную атаку на новую столицу Китайской республики. Когда 13 декабря 1937 года город пал, японские солдаты устроили жестокую оргию, равную которой вряд ли можно найти в мировой истории. Десятки тысяч молодых мужчин были согнаны

на окраины города, где их расстреливали из пулеметов, использовали для отработки штыкового боя или, облив бензином, сжигали живьем. В течение месяцев улицы города были завалены горами трупов, повсюду стояла вонь разлагающейся человеческой плоти. Годы спустя эксперты Международного военного трибунала по Дальнему Востоку (МВТДВ) оценили количество погибших от рук японских солдат мирных жителей Нанкина в конце 1937 и начале 1938 годов в более чем 260 тысяч, хотя некоторые исследователи приводят число жертв свыше 350 тысяч⁸.

Эта книга является лишь кратким изложением совершенных японцами жестокостей и варварств в городе, поскольку ее цель состоит не в том, чтобы представить количественную информацию, позволяющую рассматривать данное событие как одно из величайших злодеяний в истории, а в том, чтобы понять его суть, извлечь уроки и озвучить предупреждения. Разница в количестве, однако, порой отражает разницу в качестве, так что приходится привести некоторую статистику, чтобы дать читателю представление о масштабах резни, происшедшей в 1937 году в городе под названием Нанкин.

По оценке одного из историков, если бы мертвецы из Нанкина взяли за руки, их цепочка протянулась бы от Нанки-

⁸ «Таблица: оценочное количество жертв японской резни в Нанкине», документ № 1702, протоколы Международного военного трибунала по Дальнему Востоку, вещественные доказательства, собрание документов о военных преступлениях времен Второй мировой войны, ящик 134, запись 14, группа документов 238, Национальный архив.

на до города Ханчжоу, на расстояние примерно в две сотни миль⁹. Их кровь весила бы 1200 тонн, а их тела заполнили бы 2500 железнодорожных вагонов. Сложенные друг на друга, они достигли бы высоты 74-этажного здания.

Даже по одной лишь численности погибших Нанкинская резня превосходит самые дикие проявления варварства на протяжении многих веков. Японцы превзошли римлян в Карфагене (в той резне погибли лишь 150 тысяч)¹⁰, христиан во времена испанской инквизиции и даже Тамерлана, который убил 100 тысяч пленников в Дели и сложил две башни из черепов в Сирии в 1400 и 1401 годах¹¹.

Не подлежит никакому сомнению, что в XX веке, когда средства массового уничтожения стали намного более эффективными, Гитлер убил около шести миллионов евреев, а Сталин – более 40 миллионов русских, но этот процесс занял несколько лет, в то время как при Нанкинской резне убийства происходили в течение лишь нескольких недель.

Даже по стандартам самой разрушительной войны в истории Нанкинская резня является одним из худших примеров массового истребления¹². Чтобы представить ее сравни-

⁹ По оценкам Ву Чжикэна, цит. по: San Jose Mercury News, 3 января 1988 года.

¹⁰ Frank Chalk and Kurt Jonassohn, *The History and Sociology of Genocide: Analyses and Case Studies* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1990), с. 76.

¹¹ Arnold Toynbee, 1947, с. 347, цит. по: Leo Kuper, *Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1981), с. 12.

¹² Относительно европейских данных см.: R. J. Rummel, *China's Bloody Century: Genocide and Mass Murder Since 1900* (New Brunswick, N.J.: Transaction, 1991), с.

тельный размер, придется набраться самообладания еще для некоторой статистики. Количество погибших в Нанкине – лишь одном китайском городе – превосходит число жертв среди мирного населения в некоторых европейских странах за всю Вторую мировую войну (Великобритания потеряла 61 тысячу гражданских, Франция – 108 тысяч, Бельгия – 101 тысячу и Нидерланды – 242 тысячи). Те, кто изучает подобные темы, считают одним из самых ужасающих средств массового уничтожения воздушные бомбардировки. Однако даже самые массовые атаки с воздуха во время той войны не превзошли то, что творилось в Нанкине. Вероятно, в Нанкине погибло больше людей, чем во время британских налетов на Дрезден и последовавшего за этим огненного шторма (в то время международно признанным считалось число 225 тысяч, но, по более объективным сведениям, число жертв в Дрездене оценивается в 60 тысяч погибших и не менее 30 тысяч раненых)¹³. Даже если использовать самые меньшие цифры – 260 тысяч, или самое большее, 350 тысяч – повергает в шок сама мысль о том, что число смертей в Нанкине намного превосходит число погибших от американских налетов на Токио (по оценкам историков, от 80 до 120 тысяч), и даже общее количество жертв двух атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 года (по оценкам ученых,

138.

¹³ Статистика по бомбардировке Дрездена взята в: Louis L. Snyder, *Louis Snyder's Historical Guide to World War II* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1982), с. 198–199.

соответственно, 140 и 70 тысяч)¹⁴.

Нанкинская резня должна оставаться в памяти не только из-за числа убитых, но и из-за жестокости, с которой многие столкнулись, встретив свою смерть. Китайских мужчин использовали для тренировок по штыковому бою и состязаний по обезглавливанию. По оценкам, были изнасилованы от 20 до 80 тысяч китайских женщин¹⁵. Многие солдаты, помимо изнасилования, вспарывали женщинам животы, отрезали им груди, прибывали их живьем к стенам¹⁶. Отцов заставляли насиловать собственных дочерей, сыновей – своих матерей, и все это на глазах у других членов семьи. Обычным делом стало не только закапывание живьем в землю, кастрация, вы-

¹⁴ Brigadier Peter Young, ed., *The World Almanac Book of World War II* (Englewood Cliffs, N.J.: World Almanac Publications/PrenticeHall, 1981), с. 330. Относительно численности жертв взрывов в Хиросиме и Нагасаки см.: Richard Rhodes, *The Making of the Atomic Bomb* (New York: Simon & Schuster, 1996), с. 734, 740. Родс утверждает, что к концу 1945 года от ядерных взрывов погибли около 140 тысяч человек в Хиросиме и около 70 тысяч в Нагасаки. Люди продолжали умирать, и пять лет спустя от связанных с бомбардировкой причин умерли около 200 тысяч в Хиросиме и 140 тысяч в Нагасаки. Важно, однако, отметить, что даже через пять лет общее число потерь в обоих городах было все еще меньше, чем оцениваемое по максимуму число жертв Нанкинской резни.

¹⁵ Catherine Rosair, «For One Veteran, Emperor Visit Should Be Atonement», Reuters, 15 октября 1992 г.; George Fitch, «Nanking Outrages», 10 января 1938 г., собрание Джорджа Фитча в библиотеке богословского факультета Йеля. Ли Эньхань, историк из Китайской республики, оценивает число изнасилованных и искалеченных женщин в 80 тысяч («The Great Nanking Massacre Committed by the Japanese Army as Related to International Law on War Crimes», *Journal of Studies of Japanese Aggression Against China* [май 1991], с. 74).

¹⁶ Сведения из разговоров автора с выжившими.

резание органов и зажаривание живьем, но и более дьявольские пытки, когда людей подвешивали за язык на железном крюке или зарывали по грудь в землю, глядя, как их затем разрывают на куски немецкие овчарки. Зрелище было столь тошнотворным, что повергало в ужас даже находившихся в городе немецких нацистов, один из которых потом назвал происходившие события «работой машины зверств»¹⁷.

И тем не менее Нанкинская резня до сих пор остается малоизвестным событием. В отличие от атомных ударов по Японии или еврейского холокоста в Европе, об ужасах Нанкинской резни практически не знает никто за пределами Азии. Ее обходит стороной большинство исторической литературы, опубликованной в Соединенных Штатах. Тщательное изучение школьных учебников истории в США показало, что лишь в немногих мельком упоминается о Нанкинской резне. Почти ни в одной всесторонней или «авторитетной» истории Второй мировой войны, которую читает американская публика, она не обсуждается хоть сколько-нибудь подробно. Например, ни одной фотографии с места событий и даже ни единого слова нет в «Американской иллюстрированной истории Второй мировой войны» (The American Heritage Picture History of World War II) (1966), в течение многих лет являвшейся лучшей из когда-либо опубликованных однотомных фотографических историй войны. Ни сло-

¹⁷ Христиан Крёгер, «Роковые дни в Нанкине», неопубликованный дневник в собрании Петера Крёгера; см. также приговор МВТДВ, Национальный архив.

ва о резне нет и в знаменитых «Мемуарах о Второй мировой войне» (Memoirs of the Second World War) (1959) Уинстона Черчилля (1065 страниц) или в классической «Второй мировой войне» (Second World War) (1975) Генри Мичела (947 страниц). Нанкинская резня лишь дважды упоминается в объемном «Мире на войне» (A World at Arms) (1994) Герхарда Вайнберга (1178 страниц). Лишь в книге «Освобожденные от зла: сага о Второй мировой войне» (Delivered from Evil: The Saga of World War II) (1987) Роберта Леки (998 страниц) я нашла единственный абзац: «Ничто из того, что могли сделать нацисты под руководством Гитлера для дискредитации собственных побед, не может соперничать с жестокостью японских солдат под командованием генерала Иванэ Мацуи»¹⁸.

На протяжении всей книги я использую написание китайских имен в соответствии с предпочтениями их носителей (как в визитных карточках или переписке) или на основе большей популярности одной транслитерации по сравнению с другой (например, Чан Кайши вместо Цзян Цзешу). Для китайских и японских личных имен я использую традиционную систему указания фамилии перед именем. Для городов и мест я обычно (но не всегда) использую транслитерацию, применявшуюся в эпоху повествования, к примеру, Нанкин вместо нынешнего Наньцзин.

¹⁸ Robert Leckie, *Delivered from Evil: The Saga of World War II* (New York: Harper & Row, 1987), с. 303.

Впервые я узнала о Нанкинской резне еще в детстве по рассказам моих родителей, которые пережили годы войны и революции, прежде чем обрести новую безмятежную родину, став преподавателями в американском университетском городке на Среднем Западе. Выросшие в Китае в годы Второй мировой войны, они бежали после войны вместе со своими семьями сперва в Тайвань, а затем в Соединенные Штаты, где учились в Гарварде и сделали научную карьеру. В течение трех десятилетий они мирно жили среди научного сообщества в Шампейн-Эрбана, штат Иллинойс, занимаясь исследованиями в области физики и микробиологии.

Но они никогда не забывали об ужасах китайско-японской войны и не хотели, чтобы о них забыла я. В особенности им не хотелось, чтобы я забыла о Нанкинской резне. Никто из моих родителей не был ее свидетелем, но в детстве они слышали рассказы о ней, которые и передали мне. Как я от них узнала, японцы резали младенцев не только пополам, но также на три и четыре части; воды реки Янцзы на много дней покраснели от крови. Дрожащими от гнева голосами мои родители называли Великую Нанкинскую резню, или Наньцзин Датуша, самым дьявольским преступлением японцев в войне, убившей более десяти миллионов китайцев.

На протяжении моего детства Наньцзин Датуша оставалась погребенной в глубинах моего разума как метафора невыразимого зла. Но ей недоставало фактических подробностей и человеческого измерения. Трудно было также про-

вести черту между мифом и историей. Еще в школе я искала в местных публичных библиотеках любую информацию об этой резне, но ничего не обнаружила, что показалось мне странным. Если Нанкинская резня действительно была столь кровавой, одним из худших эпизодов человеческого варварства в мировой истории, как утверждали мои родители, то почему никто не написал об этом книгу? Но в детстве мне не пришло в голову продолжить исследования, пользуясь гигантской библиотечной системой Университета Иллинойса, и мое любопытство на эту тему вскоре угасло.

Прошло почти два десятилетия, прежде чем Нанкинская резня вновь вторглась в мою жизнь. К тому времени я вышла замуж и вела спокойную жизнь профессионального литератора в Санта-Барбаре, штат Калифорния, где я услышала от друга-кинematографиста, что некие продюсеры на Восточном побережье недавно закончили снимать документальный фильм о Нанкинской резне, но столкнулись с трудностями при получении средств на его прокатное удостоверение.

Его рассказ вновь пробудил мой былой интерес. Вскоре я уже говорила по телефону не с одним, а с двумя продюсерами документальных фильмов на эту тему. Первый, Шао Цзыбин, китайско-американский активист, который работал в ООН в Нью-Йорке, был в прошлом председателем Союза памяти жертв Нанкинской резни и помогал при создании видеофильма «Свидетельство Мэйджи». Другой была Нэнси Тун, независимый кинematографист, которая сняла вместе

с Кристиной Чой документальный фильм «Во имя императора». Шао Цзыбин и Нэнси Тун помогли мне включиться в сеть активистов, многие из которых, китайские американцы и канадцы в первом поколении, подобно мне, испытывали необходимость засвидетельствовать это событие, задокументировать его сделать достоянием общественности и, возможно, даже потребовать возмещения за злодеяния в Нанкине до того, как умрут все оставшиеся в живых жертвы этого преступления. Другие хотели передать свои воспоминания военных лет детям и внукам, опасаясь, что их ассимиляция в североамериканскую культуру может заставить их забыть столь важную часть их исторического наследия.

Еще бóльшую силу этому вновь возникшему движению активистов придали события на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, подтолкнувшие выходцев из Китая по всему миру к образованию сообществ в знак протеста против действий Китайской Народной Республики. Движение за демократию оставило после себя обширную замысловатую сеть взаимоотношений в интернете, из которой и произросли сообщества, распространявшие правду о Нанкине. В городах с высокой концентрацией китайцев – Сан-Франциско, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Торонто и Ванкувере – китайские активисты организовывали конференции и просветительские кампании, распространяя информацию о преступлениях японцев во время Второй мировой войны. Они демонстрировали фильмы, видеозаписи и фотографии Нанкинской рез-

ни в музеях и школах, выкладывали статьи и фотографии в интернете и даже размещали полностраничную рекламу на данную тему в таких газетах, как «Нью-Йорк Таймс». Некоторые из активистских групп были столь технологически подкованы, что нажатием кнопки отправляли сообщения более чем четверти миллиона читателей по всему миру.

То, что Нанкинская резня из моих детских воспоминаний была не просто неким народным мифом, но реальной историей, стало мне окончательно ясно в декабре 1994 года, когда я побывала на конференции, спонсированной Всемирным альянсом за сохранение истории Второй мировой войны в Азии и проводившейся в память о жертвах нанкинских зверств. Конференция проходила в Купертино, штат Калифорния, пригороде Сан-Хосе, в самом сердце Кремниевой долины. Организаторы подготовили в конференц-зале фотоплакаты Нанкинской резни – самые страшные фото, которые я когда-либо видела в жизни. Хотя я столько слышала о Нанкинской резне в детстве, я оказалась не готова полностью к этим строгим черно-белым изображениям отрубленных голов, вспоротых животов и обнаженных женщин, которых насильники принуждали принимать разнообразные порнографические позы, с застывшими на их лицах незабываемыми выражениями мук и позора.

Вдруг в одно мгновение я осознала всю хрупкость не просто жизни, но и самого человеческого исторического опы-

та. Все мы в детстве узнаём о смерти. Мы знаем, что любого из нас может сбить грузовик или автобус, мгновенно лишив жизни. И, если только наша религиозная вера не говорит иначе, мы рассматриваем подобную смерть как бессмысленную и нечестную. Но мы также знаем об уважении к жизни и смерти, которые разделяют большинство людей. Если вас сбил автобус, кто-то может украсть вашу сумочку или бумажник, пока вы лежите раненый, но многие другие придут вам на помощь, пытаясь спасти вашу драгоценную жизнь. Кто-то позвонит в «911», кто-то со всех ног помчится по улице, чтобы позвать полицейского. Кто-то еще снимет пальто, свернет его и подложит вам под голову, чтобы, даже если это в самом деле последние мгновения вашей жизни, вы могли умереть хотя бы с небольшим комфортом, зная, что кто-то о вас позаботился. Фотографии на той стене в Купертино иллюстрировали, что не просто один человек, но сотни тысяч могут лишиться жизни по прихоти других и на следующий день их смерть будет лишена всякого смысла. Но еще более впечатляло то, что причинившие все эти смерти (самую ужасающую, пусть даже неизбежную, человеческую трагедию) могли еще и унижать своих жертв, вынуждая их погибать в муках и с позором. Меня внезапно охватила паника при мысли, что подобное жуткое неуважение к смерти, подобный атавизм в эволюции человеческого общества может стать лишь исторической сноской, воспринимаемой как некий безобидный сбой в компьютерной программе, кото-

рый может больше не вызвать никаких проблем – если кто-то не вынудит мир навсегда о нем запомнить.

Во время конференции я узнала, что в работе уже находятся два романа о Нанкинской резне («Небесное дерево» и «Шатер оранжевого тумана», оба опубликованы в 1995 году)¹⁹, а также иллюстрированное издание («Нанкинская резня: неопровержимая история в фотографиях», опубликована в 1996 году). Но в то время никто еще не написал полноразмерного популярного изложения о Нанкинской резне на английском языке. Углубляясь далее в историю резни, я узнала, что исходный материал для подобной книги всегда существовал и был доступен в Соединенных Штатах. Американские миссионеры, журналисты и военные оставляли для потомства в дневниках, фильмах и фотографиях свой собственный взгляд на эти события. Почему же никто из других американских авторов или ученых не разрабатывал эту богатую жилу, чтобы написать документальную книгу или даже диссертацию, полностью посвященную Нанкинской резне?

* * *

Вскоре я получила частичный ответ на странную загадку,

¹⁹ R. C. Binstock, *Tree of Heaven* (New York: Soho Press, 1995); Paul West, *Tent of Orange Mist* (New York: Scribners, 1995); James Yin and Shi Young, *The Rape of Nanking: An Undeniable History in Photographs* (Chicago: Innovative Publishing Group, 1996).

почему Нанкинская резня остается относительно неизвестной в мировой истории. Она не проникла в мировое сознание так же, как холокост или Хиросима, потому, что продолжали хранить молчание сами ее жертвы.

Но каждый ответ предполагает новый вопрос, и мне стало интересно, почему жертвы этого преступления не призывали к справедливости. Или если все же призывали, то почему их просьбы никто не услышал? Вскоре мне стало ясно, что хранителем завесы тишины была политика. Китайская Народная Республика, Китайская Республика Тайвань и даже Соединенные Штаты причастны к историческому пренебрежению данным событием по причинам, корни которых уходят в холодную войну. После коммунистической революции 1949 года в Китае ни Китайская Народная Республика, ни Китайская Республика не потребовали военных репараций от Японии (как Израиль от Германии), поскольку оба правительства соревновались за торговлю с Японией и политическое признание с ее стороны. И даже Соединенные Штаты, столкнувшись с угрозой со стороны коммунистических режимов Советского Союза и материкового Китая, стремились обеспечить дружбу и лояльность своего бывшего врага, Японии. Таким образом, напряженность времен холодной войны позволила Японии избежать той интенсивной критики, которой вынуждены были подвергнуться ее военные союзники.

Более того, атмосфера страха в Японии сдерживала открытую научную дискуссию о Нанкинской резне, еще боль-

ше подавляя распространение информации об этом событии. В Японии высказывание истинного мнения о китайско-японской войне могло – и до сих пор может – угрожать карьере и даже жизни. (В 1990 году Мотосима Хитоси, мэр Нагасаки, был застрелен за слова, что император Хирохито несет некоторую ответственность за Вторую мировую войну.) Подобное всепроникающее чувство опасности не способствовало желанию многих серьезных историков посещать японские архивы с целью проведения исследований по данной теме. И мне неоднократно говорили в Нанкине, что Китайская Народная Республика редко позволяет своим ученым поездки в Японию из-за опасений за их физическую безопасность. В таких обстоятельствах получение доступа к японским архивным источникам о Нанкинской резне стало крайне сложным для людей, не принадлежащих к островной нации. Вдобавок большинство ветеранов, участвовавших в Нанкинской резне, по большей части не проявляют никакого желания давать интервью о тех событиях, хотя в последние годы некоторые отважно бросили вызов остракизму и даже смертельным угрозам, опубликовав свои рассказы.

Больше всего озадачивал и огорчал меня в процессе написания этой книги настойчивый отказ японцев признать собственное прошлое. Дело не только в том, что Япония выделила пострадавшим менее одного процента от той суммы, которую выплатила Германия в качестве военной репа-

рации своим жертвам. Ведь, в отличие от большинства нацистов, которые, если даже не оказались за решеткой за свои преступления, то были, по крайней мере, исключены из общественной жизни, многие японские военные преступники продолжали после войны занимать влиятельные должности в промышленности и правительстве. Тем более, что, пока немцы неоднократно приносили извинения жертвам холокоста, японцы похоронили своих военных преступников в храме в Токио – поступок, который один из американцев, ставший военной жертвой японцев, назвал политическим эквивалентом «возведения собора в честь Гитлера посреди Берлина»²⁰.

В процессе этого долгого и тяжелого труда движущей силой для меня был постоянный отказ многих известных японских политиков, ученых и промышленников признать, несмотря на многочисленные свидетельства, что Нанкинская резня вообще имела место. В противоположность Германии, где учителям запрещено законом вычеркивать холокост из программы по истории, японцы в течение десятилетий систематически убрали упоминания о Нанкинской резне из своих учебников. Они изъяли фотографии Нанкинской резни из музеев, отредактировали оригинальные источники и вычеркнули из популярной культуры любые упоминания о ней. Даже уважаемые профессора-историки вступили в ряды правых сил, чтобы совершить то, что они считают своим национальным долгом: дискредитировать любые сведения о

²⁰ Джилберт Хэйр (Gilbert Hair), телефонное интервью с автором.

Нанкинской резне. В документальном фильме «Во имя императора» один японский историк целиком отрицает Нанкинскую резню со словами: «Даже если бы погибли двадцать или тридцать человек, это стало бы громадным шоком для Японии. До этого времени японские войска вели себя образцово». Именно эта преднамеренная попытка некоторых японцев исказить историю больше всего утвердила меня в необходимости данной книги.

Однако сколь бы мощным не являлся этот конкретный фактор, данная книга является также реакцией на нечто совершенно иное. В последние годы искренние попытки вынудить Японию повернуться лицом к последствиям ее поступков стали называться «избиением Японии». Важно отметить, что я вовсе не утверждаю, будто Япония была единственной империалистической силой в мире или даже в Азии в первой трети XX века. Китай сам пытался расширить свое влияние на соседей и даже вступил в соглашение с Японией о разграничении зон влияния на Корейском полуострове, так же как европейские державы в свое время делили коммерческие права на Китай в XIX веке.

Что еще важнее, было бы плохой услугой не только мужчинам, женщинам и детям, лишившимся жизни в Нанкине, но и самому японскому народу заявлять, что любая критика поведения японцев в определенное время и в определенном месте является критикой японцев как народа. Цель этой книги не состоит в том, чтобы унижить японский характер или

генетический код народа, способного на подобные поступки. Это книга о могуществе пропагандистских сил, способных либо превратить всех нас в дьяволов, лишив тонкой оболочки социальных ограничений, которая делает людей людьми, или, напротив, укрепить ее. Германия во многом изменилась к лучшему, поскольку евреи не позволили этой стране забыть о том, что она сделала во время Второй мировой войны. Американский Юг изменился к лучшему, признав зло рабства и законы Джима Кроу, последовавшие за освобождением чернокожих. Японская культура не сделает шаг вперед, пока также не признает не только перед всем миром, но и перед собой, насколько недостойными были ее действия во время Второй мировой войны. Несомненно, меня удивило и обрадовало количество японцев, присутствовавших на конференциях на тему Нанкинской резни. Как высказался один из них: «Мы хотим знать об этом столько же, сколько и вы».

* * *

Эта книга описывает два взаимосвязанных, но различных злодеяния. Одним из них является сама Нанкинская резня, история о том, как японцы истребили сотни тысяч невинных мирных жителей в столице их врага.

Второе – сокрытие истины, история о том, как японцы, поощряемые молчанием китайцев и американцев, пытались стереть факты о Нанкинской резне из общественного сознания.

ния, лишая таким образом ее жертв надлежащего места в истории.

На структуру первой части моей книги – историю резни – во многом повлиял «Расёмон», знаменитый фильм, основанный на рассказе («Ябунонака», или «В роще») японского писателя Акутагавы Рюносукэ об изнасиловании и убийстве в Токио X века. Внешне сюжет рассказа выглядит просто: бандит подстерегает странствующего самурая и его жену; жена изнасилована, а самурай находят мертвым. Но сюжет становится сложнее, когда он рассказывается с точки зрения каждого из персонажей. Бандит, жена, мертвый самурай и свидетель преступления излагают разные версии происшедшего. Читателю предоставляется свести вместе все их воспоминания, доверяя или не доверяя каждому полностью или отчасти, и создать на основе субъективных и часто своекорыстных показаний более объективную картину того, что произошло на самом деле. Этот рассказ стоило бы включать в программу любого курса по уголовному судопроизводству. Суть его уходит в самое сердце истории.

О Нанкинской резне рассказывается с трех различных ракурсов. Первый из них – японский. Это рассказ о запланированном вторжении – о том, что, как и почему было приказано выполнить японским военным. Второй ракурс – с точки зрения китайцев, жертв резни. Это рассказ о судьбе города, правительство которого было неспособно защитить своих граждан от вторгшихся захватчиков. Этот раздел вклю-

чает отдельные рассказы самих китайцев, истории о поражении, отчаянии, предательстве и выживании. Третий ракурс – с точки зрения американцев и европейцев, оказавшихся на какой-то момент героями, по крайней мере, в китайской истории. Горстка оказавшихся на месте событий представителей Запада рисковала жизнью, помогая китайским мирным жителям во время резни и сообщая остальному миру о происходивших прямо у них на глазах зверствах. Лишь в следующей части книги, относящейся к послевоенному периоду, мы рассмотрим равнодушное отношение американцев и европейцев к тому, что рассказывали им собственные сограждане, присутствовавшие на месте событий.

В последней части моей книги исследуются силы, тайно сговорившиеся о сокрытии Нанкинской резни от внимания общественности в течение более чем полувека. Я также опишу недавние усилия, направленные на то, чтобы подобное искажение истории не осталось без ответа.

Любые попытки прояснить ситуацию должны пролить свет на причины, по которым японцы как нация впадают в коллективное беспамятство – и даже отрицание фактов, – когда заходит речь об их поведении в тот период. Их реакция – не просто вопрос оставленных в книгах по истории пробелов в слишком болезненных для них местах. Самые уродливые и жестокие стороны поведения японских военных во время китайско-японской войны действительно исключены из программы обучения японских школьников. При этом

также замалчивается роль нации в развязывании войны посредством тщательно культивируемого мифа, будто бы японцы были жертвами, а не зачинщиками Второй мировой войны. Ужас, который испытал японский народ во время атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, помогает этому мифу смягчить историю собственных зверств.

Когда речь идет о раскаянии за собственные действия во время войны перед судом мирового общественного мнения, Япония и поныне остается нацией-отступницей. Даже в период непосредственно после войны, несмотря на судебные процессы о военных преступлениях, признавшие виновными ряд их лидеров, японцы сумели избежать морального осуждения со стороны цивилизованного мира, которое пришлось принять немцам за их поступки в то кошмарное время. Продолжая избегать осуждения, японцы стали зачинщиками другого преступления. Как предупреждал много лет назад нобелевский лауреат Эли Визель, «забыть холокост – значит убить дважды».

Я очень надеюсь, что данная книга вдохновит других авторов и историков на исследования свидетельств выживших в Нанкине, до того как последние голоса из прошлого, число которых сокращается с каждым годом, смолкнут навсегда. Что, возможно, еще важнее – надеюсь, что она пробудит совесть японцев, вынудив их признать ответственность за случившееся.

Эта книга была написана с мыслью о бессмертном преду-

преждении Джорджа Сантаяны: «Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь».

Часть первая

1. Путь к Нанкину

При попытках понять мотивы поступков японцев самыми очевидными становятся вопросы, громче всего требующие ответа. Что именно из случившегося на месте событий позволило японским солдатам полностью отринуть все ограничения, свойственные большинству людей? Почему японские офицеры позволяли и даже поощряли подобный беспредел? Какова была в этом роль японского правительства? По крайней мере, какова была его реакция на доклады, которые оно получало по своим собственным каналам, и к чему оно прислушивалось из зарубежных источников с места событий?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется слегка углубиться в историю.

Японская идентичность XX века возникла в условиях тысячелетней системы, в которой социальная иерархия устанавливалась и поддерживалась посредством военного соперничества. С незапамятных времен могущественные феодальные властители островов использовали частные войска для ведения нескончаемых сражений друг с другом. К Средневековью эти войска эволюционировали в специфический японский класс воинов-самураев, кодекс поведения которых

назывался «бусидо» («Путь воина»)²¹. Умереть, служа своему господину, было величайшей честью, которую только мог заслужить в своей жизни воин-самурай.

Подобный кодекс чести определенно не является изобретением именно японской культуры. Римский поэт Гораций первым определил понятие долга юношей каждого поколения перед их правителями – «*Dulce et decorum est pro patria mori*» («Сладка и прекрасна за родину смерть»). Но философия самураев намного выходила за рамки определения военной службы как чего-то подобающего мужчине и единственно правильного. Их кодекс был настолько жестким, что наиболее примечательной его чертой являлось моральное требование совершить самоубийство в случае невозможности достойно исполнить обязанности военной службы, что часто сопровождалось церемониальным и крайне болезненным ритуалом харакири, когда воин, не дрогнув, встречал свою смерть, вспарывая себе живот на глазах свидетелей.

К XII веку глава правящей (и, соответственно, наибо-

²¹ Tanaka Yuki, *Hidden Horrors: Japanese War Crimes in World War II* (Boulder, Co.: Westview, 1996), с. 206–208. (Хотя Танака – фамилия автора, в этой книге на английском языке он использует американский стиль представления своего имени как Юки Танака). По словам Танаки, современные японцы извратили древний кодекс бусидо в своих собственных целях. Изначальный кодекс требовал от воинов умирать за справедливые, а не банальные цели. Но во время Второй мировой войны офицеры совершали ритуальные самоубийства по самым абсурдным причинам, таким как запинка во время цитирования кодекса. Понятие преданности в бусидо также сменилось слепым послушанием, а отвага – безрассудной жестокостью.

лее могущественной) семьи, называвшийся теперь сёгуном, предлагал императору, которому поклонялись как прямому потомку богини Солнца, военную защиту своих самураев в обмен на божественную поддержку всего правящего класса. Заключался договор. Со временем самурайский кодекс, которому вначале следовал лишь небольшой процент населения, глубоко проник в японскую культуру и стал моделью наиболее достойного поведения среди всех молодых мужчин.

Время не повлияло на силу этики бусидо, впервые появившейся в XVIII веке и практикующейся даже в наши дни, вплоть до самых крайних проявлений. Во время Второй мировой войны печально знаменитые самоубийственные вылеты камикадзе, когда японские пилоты направляли свои самолеты прямо на американские корабли, впечатлили Запад готовностью молодых японцев жертвовать своей жизнью за императора. Но это была не просто небольшая элитная группа, придерживавшаяся взгляда, что лучше умереть, чем сдать. Поражает тот факт, что в то время, когда войска союзников сдавались в соотношении один пленный на каждых трех погибших, японцы сдавались в соотношении лишь один к 120²².

Другим фактором, придавшим Японии ее своеобразный характер, стала ее изоляция, как географическая, так и са-

²² Meirion Harries, Susie Harries, *Soldiers of the Sun: The Rise and Fall of the Imperial Japanese Army* (New York: Random House, 1991), с.7.

мостоятельно возложенная на себя. В конце XV и начале XVI веков Японией правил клан Токугава, полностью отрезавший островную нацию от иностранного влияния. Подобное уединение, целью которого было обеспечение защиты от внешнего мира, в итоге изолировало японское общество от новых технологий и происходившей в Европе промышленной революции. За 250 лет японская военная технология не продвинулась дальше лука, меча и мушкета.

К XIX веку неподконтрольные Японии события выдернули нацию из кокона, в котором она пребывала, оставив ее в опасном и отчаянном положении, полном ксенофобии. В 1852 году президент США Миллард Филмор, проявляя недовольство из-за отказа Японии открыть свои порты для торговли и оправдывая европейскую экспансию распространенной в то время идеей «бремени белого человека», решил покончить с изоляцией Японии, отправив на острова командора Мэтью Перри. Перри, тщательно изучавший японскую историю, решил вынудить японцев покориться, продемонстрировав им всю мощь американской военной силы. В июле 1853 года он послал в Токийский залив флотилию изрыгающих черный дым кораблей, впервые показав народу Японии мощь паровых машин. Окружив себя 60 с лишним агрессивного вида мужчинами с саблями и пистолетами, Перри вошел в столицу сёгуна, потребовав встречи с самыми высокопоставленными официальными лицами Японии.

Сказать, что японцев ошеломило прибытие Перри, было

бы серьезным преуменьшением. «Аналогично бы выглядела ситуация, если бы астронавты объявили, что к Земле летят странного вида космические аппараты»²³, – писал о случившемся историк Сэмюэль Моррисон. Перепуганные аристократы Токугавы приготовились к сражению, спрятали свои драгоценности и в панике совещались между собой. Но в итоге у них не осталось иного выбора, кроме как признать превосходство американской военной технологии и принять делегацию. Посредством этого единственного визита Перри не только вынудил Токугаву подписать договор с Соединенными Штатами, но и открыл двери для японской торговли с другими странами, такими как Британия, Россия, Германия и Франция.

Унижение, испытанное этим гордым народом, оставило после себя осадок в виде яростного негодования. Некоторые члены японской властной элиты тайно выступали в поддержку немедленной войны с западными державами, но другие призывали к благоразумию, утверждая, что эта война ослабит лишь Японию, но не иностранцев. Те, кто занимал последнюю позицию, убеждали власти умиротворить пришельцев, учиться у них и спокойно планировать возмездие:

Поскольку мы не равны иностранцам в механическом искусстве, следует установить взаимоотношения с другими странами, учиться их умениям и тактике, а когда [япон-

²³ Samuel Eliot Morison, «Old Bruin»: *Commodore Matthew C. Perry 1794–1858* (Boston: Atlantic – Little, Brown, 1967), с. 319.

ские] нации станут едины, как одна семья, мы сможем отправиться за границу и отдать земли в иноземных странах тем, кто отличился в бою; солдаты будут соперничать друг с другом, показывая свое бесстрашие...²⁴

Хотя подобный взгляд не преобладал, слова эти оказались пророческими, поскольку описывали не только стратегию, которой следовала Япония, но и долгосрочные горизонты для тех, кто рассматривал жизнь с точки зрения государства, а не отдельных людей.

* * *

Не имея перед собой четкого плана, клан Токугава решил наблюдать и ждать – и этим решением подписал смертный приговор своему правлению. Проводившаяся сёгуном политика умиротворения, столь отличавшаяся от того, что он ранее требовал от своих преданных сторонников, вызывала у многих недовольство и служила оружием для его противников-ястребов, которые считали благоразумную реакцию сёгуна не более чем подобострастным раболепием перед иностранными варварами. Убежденные, что сёгун лишился своего мандата на правление, мятежные кланы заключили союзы с целью свержения режима и восстановления власти им-

²⁴ Delmer M. Brown, *Nationalism in Japan: An Introductory Historical Analysis* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1955), с. 75. (цит. Брауном из: Satow, пер., Japan 1853–1864, или Genji Yume Monogatari, с. 4).

ператора.

В 1868 году мятежники одержали победу под флагом императора Мэйдзи и разожгли революцию с целью преобразовать лоскутное одеяло враждующих феодальных владений в современную могущественную Японию. Они возвели культ солнца Синто в ранг государственной религии и использовали императора как национальный символ, чтобы покончить с межплеменными распрями и объединить все острова. Полное решимости достичь в конечном счете победы над Западом, новое имперское правительство приняло самурайскую этику бусидо в качестве морального кодекса для всех граждан без исключения. Внешняя угроза стала дальнейшим поводом для очищения и единения кланов. В эпоху, известную позднее как «революция Мэйдзи», по всей Японии звучали националистические лозунги, такие как «Почитай императора! Изгони варваров!» или «Богатая страна, сильная армия!».

С удивительной быстротой японцы устремились в современность – в научном, экономическом и военном отношении. Правительство отправляло лучших студентов изучать науку и технологии в западные университеты, подчинило себе промышленность, создавая военные заводы, и сменило разрозненные феодальные войска на национальную призывную армию. Оно также тщательно анализировало военные системы Соединенных Штатов и Европы, отдавая предпочтение немецкой. Но знание западных технологий и обо-

ронительных стратегий, привезенное обучавшимися за рубежом студентами, разрушило былую уверенность страны в японском военном превосходстве, вызывая глубокие сомнения в неизбежности победы в ее будущем поединке с Западом.

* * *

К концу XIX века Япония была готова поиграть мускулами, проверяя свою новую силу на азиатских соседях. В 1876 году правительство Мэйдзи отправило в Корею флотилию из двух канонерок и трех транспортов, вынудив корейское правительство подписать торговый договор, – это очень напоминало то, к чему Перри вынудил Японию.

Затем последовало столкновение с Китаем из-за Кореи. По договору 1885 года Корея становилась совместным протекторатом Китая и Японии, но не прошло и десятилетия, как разразилась война после попытки Китая подавить корейский мятеж, поддерживаемый японскими ультранационалистами. В сентябре 1894 года, всего через шесть недель после объявления войны, японцы не только захватили Пхеньян, но и сокрушили в море китайский северный флот. Правительство Цин было вынуждено подписать унижительный для себя договор Симоносэки, по которому китайцы должны были выплатить японцам 200 тысяч лянов в качестве репарации и отдать Японии Тайвань, Пескадорские острова, провинцию

Ляодун в Маньчжурии и еще четыре порта. Позднее эти события были названы первой китайско-японской войной.

Триумф Японии мог бы быть полным, если бы его позднее не омрачило вмешательство западных держав. После войны японцы получили крупнейший военный трофей – полуостров Ляодун, но вынуждены были его отдать после трехстороннего вторжения России, Франции и Германии. Подобная демонстрация возможностей далеких европейских правительств диктовать японцам свою волю лишь укрепила решимость Японии добиться военного превосходства над западными странами. К 1904 году нация удвоила численность своей армии и обрела самодостаточность в производстве вооружений.

И данная стратегия вскоре окупилась. Япония смогла добиться военной победы не только над Китаем, но и над Россией. После русско-японской войны 1905 года, вновь захватив Порт-Артур на полуострове Ляодун и одержав морскую победу в Цусимском сражении, Япония получила половину острова Сахалин и торговое превосходство в Маньчжурии. Это был головокружительный успех для гордой страны, 50 лет страдавшей от унижений со стороны западных наций. Один из японских профессоров, явно опьяненный триумфом, подытожил настроения своей страны, заявив, что Японии «суждено расширяться и править другими нациями»²⁵.

В значительной степени благодаря этим успехам нача-

²⁵ Таиyo, июль 1905, цит. там же, с. 144.

ло XX века стало для Японии временем эйфории. Модернизация промышленности принесла стране не только военный престиж, но и беспрецедентное экономическое процветание²⁶. Первая мировая война создала огромный спрос на продукцию японского производства, в частности – сталь и чугун, а также на японский текстиль. Цены на акции японских предприятий взлетели до небес, и магнаты вышли из тени, ошеломив страну своей расточительностью. Даже японские женщины, традиционно находившиеся на вторых ролях в обществе, где всецело властвовали мужчины, проигрывали целые состояния в казино и на скачках.

Возможно, если бы подобное процветание длилось и дальше, в Японии мог бы возникнуть крепкий и многочисленный средний класс, способный сдерживать имперское военное влияние. Но вместо этого Японии вскоре предстояло столкнуться с самым катастрофическим экономическим кризисом в ее современной истории – кризисом, который уничтожил все предыдущие достижения, поставив страну на грань голода и толкнув ее на путь войны.

* * *

В 1920-е годы на золотую эпоху японского процветания опустилась тень кризиса. Когда завершение Первой мировой

²⁶ Там же, с. 152.

войны положило конец прежде ненасытному спросу на военную продукцию, японские военные заводы закрылись, в результате чего сотни тысяч людей остались без работы. Биржевой крах 1929 года в Соединенных Штатах и последовавшая за ним депрессия также привели к сокращению покупок американцами предметов роскоши, отчего серьезно пострадал экспорт японского шелка.

Важно отметить, что многие зарубежные бизнесмены и потребители в послевоенное десятилетие стали сторониться японской продукции, хотя Япония во время Первой мировой войны была их союзником. В то время как европейские нации, равно как и японская, расширили свои заморские приобретения за счет территориальных трофеев Первой мировой войны, на японскую экспансию смотрели иначе. Испытывая неприязнь к агрессивным действиям Японии в отношении Китая в первые десятилетия нового века, и еще больше – к нападкам Японии на колониальную политику в бывших немецких колониях, которые она теперь контролировала в соответствии с послевоенными договоренностями, западные финансисты начали намного серьезнее вкладываться в Китай. В свою очередь, Китай, разозленный решением предоставить Японии по Версальскому договору немецкие права и концессии на полуострове Шаньдун, организовал массовый бойкот японских товаров. Эти события еще больше навредили японской экономике, дав повод для широко распространенного среди японцев мнения, будто бы их

страна вновь стала жертвой международного заговора.

Экономический спад оказался сокрушительным для рядового японского общества. Закрывались предприятия, росла безработица. Обнищавшие крестьяне и рыбаки продавали своих дочерей в публичные дома. Растущая инфляция, забастовки и чудовищное землетрясение 1923 года лишь усугубили и без того тяжелое положение.

В период депрессии в народе росло мнение, что Япония нуждается в завоевании новых территорий, чтобы избежать массового голода. Население выросло с 30 миллионов во время реставрации Мэйдзи до почти 65 миллионов в 1930 году²⁷, отчего Японии становилось все сложнее прокормить свой народ. С немалыми усилиями японские крестьяне увеличивали урожай с каждого акра, затем его рост остановился, и к 1920-м годам сельскохозяйственное производство вышло на уровень плато. Продолжающийся рост населения вынуждал Японию во многом полагаться на ежегодный импорт продовольствия, и между 1910-ми и концом 1920-х годов импорт риса вырос втрое. Прежде он оплачивался за счет доходов от экспорта японского металла и текстиля, но тот серьезно пострадал от сократившегося зарубежного спроса, значительной конкуренции и зачастую дискриминационных пошлин.

К 1920-м годам молодые радикалы в японской армии

²⁷ Paul Johnson, *Modern Times: The World from the Twenties to the Nineties* (New York: HarperCollins, 1991), с. 189.

утверждали, что военная экспансия имеет ключевое значение для выживания страны. В своей книге «Обращение к молодежи» подполковник Хасимото Кингоро писал:

*У Японии осталось лишь три пути избежать гнета чрезмерной перенаселенности... эмиграция, продвижение на мировые рынки и территориальная экспансия. Первый путь, эмиграция, закрыт для нас из-за антияпонской иммиграционной политики других стран. Второй путь... перекрывается тарифными барьерами и аннулированием торговых договоров. Что остается Японии, когда два из трех путей перед ней закрыты?*²⁸

Другие японские авторы указывали на обширные территории других стран, жалуясь на несправедливость, особенно с учетом того, что эти другие страны не брали всего возможного от своей земли, пытаясь добиться высоких урожаев, которые получали на своей земле японские крестьяне. Они с завистью смотрели не только на громадные территориальные ресурсы Китая, но и на западные страны. Почему, спрашивал военный пропагандист Араки Садао, Япония должна удовлетворяться 142 270 квадратными милями, большинство из которых бесплодны, для прокорма 60 миллионов ртов, в то время как страны вроде Австралии и Канады имеют свыше трех миллионов квадратных миль, чтобы кормить

²⁸ W. T. deBary, ред., *Sources of the Japanese Tradition* (New York, 1958), с. 796–797, цит. там же, с. 189.

шесть с половиной миллионов человек каждая?²⁹ Подобные несоответствия территорий казались японцам несправедливыми. Для ультранационалистов Соединенные Штаты обладали одним из самых больших преимуществ: как указывал Араки Садао, США имели не только три миллиона квадратных миль своей территории, но и 700 тысяч квадратных миль колоний.

²⁹ Цит. там же, с. 189.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.